

Л

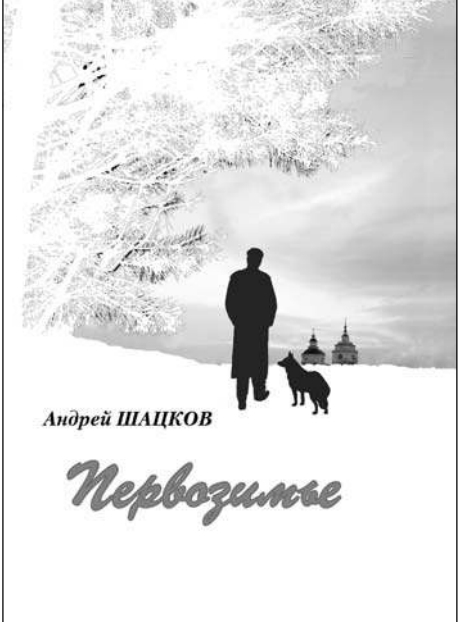
ирика Андрея Шацкого в сознании читателя прочно связана с той литературной территорией, на которой встречаются и взаимодействуют искусство слова, переменчивая планида певца, православные контуры неба и былинная слава Древней Руси. Эти черты в разной степени присутствуют в стихах поэта, но никогда не покидают его строки совсем. Лирический герой Шацкого отчетливо сопоставим с проживаемой нами сейчас эпохой, когда, казалось бы, уже названы и многими приняты как единственно верные духовные ориентиры родной земли, однако личное одиночество угнетает душу и распространяется все шире и шире. Судя по всему, распад советской страны оставил в душе современного человека незаживающую рану, надлом, который мешает ему расправить плечи и властно заявить о своих чаяниях. Причем речь идет не о социальных акцентах, не о правде, которую так часто стала побеждать ложь, не о судьбе, которая могла бы сложиться иначе. Перед нами в какой-то степени угасание воли к жизни, которое подпитывается неисчезающей, глубоко спрятанной в сердце горечью.

Только с замершим сердцем творится

неладное что-то.

Только ноги не знают, куда в одиночку брести.

Андрей Шацкий. Первозимье. Стихотворения. — М.: Вест-Консалтинг, 2017.

Лирическому герою нужно немного, хотя и бесконечно важное для него: живая мама, чуткая и все понимающая возлюбленная, детская определенность во взрослой суете, радость от каждой проживаемой минуты. В реальной жизни любой, наверное, захотел бы того же, но в поэзии бесчисленное множество нюансов раздвигают названные ориентиры и помещают в образованные брешы и поля все изобилие действительности. Именно так изображена природа и людские взаимоотношения у Андрея Шацкова. Слово сеть с бесчисленным количеством ячеек, его бытие привязано к этим опорам и свисает с них в бездонное пространство морщинами, наплывами и волнами, которым нет конца.

Его часто сравнивают с поэтами Серебряного века. Вероятно, основания для такого сопоставления есть. Однако Шацков, скорее, близок авторам первой волны русской эмиграции, которые постепенно ста-

ли осознавать, что жизнь скользит сквозь пальцы и нет таких сил, которые могли бы ее удержать и вернуть былое. Вот только прошлое у современного поэта и у давних его предшественников совсем разное; тем не менее, само чувство, с которым проживаются мгновения во втором десятилетии нового тысячелетия, чем-то удивительно напоминает лирические настроения минувшего века. Это означает, что Россия вернулась, пройдя виток спирали, в ту же мировую точку, и человек сегодня тоскует подобно своему прадеду.

Ты забыл нас в сумерках — Ярила,
За три дня до встречи Рождества...
Восковую руку уронила,
Не окончив знамение креста
Плыли тучи в северном приходе,
Шли дожди, стуча о корку льда.
До чего не вовремя приходит,
И не в пору — зимняя вода.
Я бы, если мог, беду руками,
В вашем топком городе развел.
Чтоб мосты — поднялись в небо сами,
Шпиль на Петропавловском процвел.
Я бы мог... да расточились силы
По бесплодно прожитым годам...
На краю безвременной могилы
Брату руку зябкую подам.
Он налет вина, отломит хлеба...
Мне ль не знать, по праву старшинства,
Как уходит Ангел дымом в небо
Даже накануне Рождества.

Здесь приметы внутреннего существования и детали внешнего мира выбраны автором удивительно точно и слиты друг с другом единственно верным для этого

стихотворения образом. И нужно отметить, что перед нами герой, вписанный в знакомый городской пейзаж, являющийся его частью и не стремящийся оторваться от горестной земли и найти эфемерное счастье где-то в другом месте, с иными людьми у плеча и любовью, которая совсем не похожа на то, что еще живет и дышит в забкой памяти поэта.

Андрей Шацков прекрасно живописует русскую природу, пожалуй, еще и по той причине, что понимает себя ее органичной частицей. Любовно выделяя ее малые штрихи, он словно бы сливается с ней духовно и интеллектуально, отчетливо зная, что за пределами родной земли для него жизни нет. Сегодня так изображать природный оком не принято, стихотворная речь стала более компактной и рациональной. Но именно в подобном неторопливом течении поэтических слов, скорее всего, и есть некая соразмерность с прекрасным — с русским пейзажем, русской далью, русским укладом. Потому развернутый лирический образ у Шацкого просторен, узнаваем и непосредствен, а локальный — почти случаен.

Зима не уходит. Под Рузой сугробы в лесу.
И ночью за окнами светят морозные звезды...
Вот-вот Благовещенье. Пасха, глядишь, на носу.
Но грают вороны и рушат грачиные гнезда.
И грозен праптицы зимой замороженный зрак.
И северный ветер несет и несет свои хлопья.
Никак не наступит весна, не наступит никак!
И смотрят грачи в ледяную даль исподлобья.
Мне в суетном марте хватило метелей сполна,
И ждать половодья отбило любую охоту.
Когда же медведи очнутся от вечного сна?
Когда же возьмутся капли с утра за работу?
Холодные руки оближет шершавый язык.
Мой пес самый первый учует весну за забором:
Но слышит волков, охраняющих логова, рык.
И видит, как снежные тучи несутся над бором...

Между тем, автор прекрасно умеет заворожить читателя обнаженным поэтическим приемом, почти ничего не добавляя в текст из области смыслов и впечатлений. И тогда видится зрелая рука мастера, для которого ремесло осталось позади, и теперь он старается иметь дело только с волшебством: «И будут падать, отбивая такт // Задорных маршей, юные капли... // И грянет март! Но будет все не так... // Но будет все не так на самом деле».

В последние годы широко распространилось словосочетание «православный поэт». Это новое противоречивое понятие соединяется порой с лирикой Андрея Шацкого почти автоматически. Между тем, нелепо обременять литературное творчество церковно-проповедническими задачами. Подобная миссия осуществляется другими людьми, а поэты в таком контексте — почти всегда непослушные пасынки. Они оказываются живым полигоном, на котором разворачивается борьба добра и зла, веры и неверия, сильной воли и уныния. Их уста, в которые Бог вложил дар вдохновенной речи, рассказывают нам о вещах неосязаемых, о предметах плотных и зримых, о подвиге и падении, о терпении и своеволии. И уже затем мы получаем признания, которые объясняют *нашу* душу и характер, показывают без утайки все дороги, которые открываются *перед нами*. Когда поэт сокрушенно говорит об унынии, в его словах мы видим себя. И это — драгоценный подарок, в котором народно-православное начало соединено с внутренним одиночеством горожанина.

К обедне снег растает, и земля —
В постыдной нагоде предстанет снова.
И медью зазвонят, не веселя,
Колокола Великого Покрова.
Как Судный день — бестрепетно суров
По Новому и Ветхому заветам,
Ты наступил, октябрьский Покров,
Предзвизнь предварив по всем приметам.
За смертный грех Уныния — прости,
И затвориться дай в безмолвной келье...
Играют свадьбы где-то на Руси,
Но что мне на чужом пиру похмелье.
Когда в душе сомненья и разлад,
Верши молитвы праведное слово.
И станет звездопадом — снегопад
В урочный день российского Покрова!

Оставаясь одиноким в круге знакомых и близких людей, поэт находит собеседника в историческом прошлом, и почти всегда такая встреча сопряжена с какой-либо роковой вехой, которая из дальней дали притягивает его взгляд и будит в нем силы, которые до поры неведомы и ему самому. И будет справедливо подчеркнуть, что граница между нынешней поэтической душой и депрессивной музой прежних литературных поколений лежит в этой смысловой и нравственной области. Такое отличие не родилось самопроизвольно; без сомнения, тут сказался духовный опыт стояния за правду и справедливость во время Великой Отечественной войны. Послевоенная русская советская поэзия чрезвычайно насыщена переключками с древними битвами и героями, самопожертвованием и верностью отчей земле. И потому глубокая печаль современной лирики непосредственно связана с нынешним смутным временем, но по отношению к протяженному русскому бытию она имеет подчиненный характер. Жесткий вызов эпохи способен извлекать из сердца поэта великие признания. Вот почему его имя стоит поверять этой последней искренностью.

Он принял смерть, но принял на миру!
И лег со всеми в братскую могилу.
А ты — один, и твоему перу
Остановить набега не под силу.
Но что бы ни пророчил этот сон,
И где бы ни стояли вражьи кони,
Ты можешь вздынуть колокольный звон,
Оставив шрам ожога на ладони
От вервия сияющих лучей,
Во искупленье посланного Спасом.
И вспыхнут разом тысячи свечей
По всем Святой Руси иконостасам!